

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI:10.24411/2618-6772-2018-13011

Гаджиев Муртазали Серажутдинович,
д.и.н, проф., зав. отделом археологии,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

Абиев Аскерхан Камалович,
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
abiev-ak@yandex.ru

Будайчиев Арсен Лахманович,
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Абдулаев Абдула Магомедович,
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
realhigh87@mail.ru

РАСКОПКИ ДЕРБЕНТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 2016 г.

Аннотация: Статья посвящена результатам проведенных в сезоне 2016 года Дербентской археологической экспедицией по гранту Российского гуманитарного научного фонда раскопок Дербентского поселения, начатых в 2012 году. Поселение предшествовало возведению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560–х гг. и было постепенно оставлено после сооружения нового города, получившего новое имя Дербент (Дарбанд). Работы производились в южном секторе раскопа XXV, где были вскрыты культурные напластования, строительные (помещения 6, 7, 8), хозяйственные остатки, датируемые IV–VI вв., средневековые мусульманские захоронения, впущенные в культурный слой поселения.

Открытый комплекс жилых и хозяйственных сооружений, включающий 8 помещений, датируется первой половиной – серединой V в. н.э. на основе хронологических индикаторов (поясные пряжки) и других археологических находок (в том числе, сасанидской керамики) Авторы считают, что этот комплекс прекратил свое существование в период бурных военно-политических событий середины 450-х гг., а именно с антисасанидского восстания 450-451 гг. Авторы склонны связывать факт прекращения существования комплекса с захватом Дербентских укреплений восставшими в 450 г., или, скорее, гуннами, совершившими вслед за поражением восстания в 451 г. разорительное вторжение в Албанию через Дербентский проход.

Полученные материалы (фрагменты керамической посуды, изделия из керамики, кости, бронзы, железа, камня) характеризуют культуру и быт населения Дербентского поселения, идентифицируемого с городом-крепостью Чор/Чол, известным древним армянским, грузинским, сирийским, ранневизантийским и арабским авторам и выступавшим важным административно-политическим и религиозным центром Восточного Кавказа.

Ключевые слова: Дербент; Чор; поселение; поздняя античность; раннее средневековье; сасанидская керамика.

EXCAVATION OF THE DERBENT SETTLEMENT IN 2016

Murtazali S. Gadjiyev,
D.Sc. (in History), Prof., Head of Dept. of Archaeology,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

Askerkhan K. Abiev,
Junior Researcher,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
abiev-ak@yandex.ru

Arsen L. Budaychiev,
Junior Researcher,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Abdula M. Abdulaev,
Junior Researcher,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of RAS, Makhachkala, Russia
realhigh87@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the results of the Derbent archaeological expedition, conducted in the season of 2016 within the framework of the scientific project under the Russian Humanitarian Scientific Foundation. The settlement preceded the erection of the Derbent defensive complex in the late 560's and was gradually abandoned after the construction of a new city, renamed Derbent (Darband). The works were carried out in the southern sector of the excavation XXV, where the cultural layers, construction (rooms 6, 7, 8) and economic remains dating from the 4th-6th centuries, medieval Muslim burials, dug into the cultural layer of the settlement, were opened.

The open complex of residential structures and outbuildings, including 8 rooms, dates from the first half - the middle of the 5th century AD on the basis of chronological indicators (bronze belt buckles) and other archaeological finds (including Sasanian pottery). The authors believe that this complex ceased to exist during the turbulent military-political events of the mid-450s, namely the anti-Sasanian insurrection of the 450 – 451 years. The authors tend to associate the fact of the termination of the complex with the capture of the Derbent fortifications by rebels in 450 AD, or rather, the Huns, who, after the defeat of the insurrection in 451, committed a ruinous invasion to Albania through the Derbent passage.

The obtained material (fragments of pottery, ceramics, bone, bronze, iron, stone) characterize the culture and life of the population of the Derbent settlement, identified with the city-fortress Chor/Chol, known to ancient Armenian, Georgian, Syrian, early Byzantine and Arab authors and speakers and being an important administrative, political and religious center of the Eastern Caucasus.

Keywords: Derbent; Chor; settlement; Late Antiquity; Early Medieval times; Sasanian pottery.

В 2016 г. Дербентская археологическая экспедиция продолжила раскопки Дербентского поселения (описание Дербентского поселения см.: 1, с. 108–109), предшествовавшего возведению Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг. Работы производились на заложенном в 2012 г. раскопе XXV, расположенном в 93 м к ЮВ от угловой южной башни цитадели Нарын-кала (рис. 1).

В 2012–2015 гг. на раскопе были выявлены культурные напластования, от первых веков н.э. до VI в. включительно, связанные с ними архитектурно-бытовые остатки (стены 1–11, вымостки 1–4, каменная база колонны, опорные камни столбов, глинобитные полы, очаги, скопления керамики, хозяйственные ямы 1–20, гончарная печь), разнообразные изделия из керамики, кости, бронзы, железа, камня, стекла, а также средневековые му-

сульманские захоронения (погр. 1–21), впущенные в культурный слой [1, с. 108–129; 2, с. 155–163; 3, с. 220–223; 4, с. 94–95; 5, с. 139–140; 6, с. 259–260] (рис. 2).

В 2016 г. работы велись в южном секторе на двух участках (рис. 2, 3). Сначала доисследовались нижние культурные слои 3 и 4 в кв. а-7, а-8, б-7, б-8, в-7, в-8. Затем работы были продолжены на прирезках, сделанных в южном и юго-западном направлениях. Площадь раскопа в 2016 г. увеличилась на 32 кв. м, достигнув 143 кв. м.

Работы на первом участке начались с исследования *хозяйственной ямы 19*, выявленной в 2015 г. Яма связана с заключительным периодом отложения слоя 3, она прорезает нижележащие напластования слоя 3, слой 4 и впущена в материк. Яма имеет колоколовидную форму, диаметр устья – 54–57 см, глубина – ок. 205 см, диаметр по дну – ок. 190 см (рис. 3). Заполнение верхней и средней части – рыхлый серый грунт с большим количеством бутового камня в верхней части. Заполнение нижней части – рыхлый темно-бурый суглинок с кусками обожженной глины.

Из верхней и средней частей ямы происходит 182 фрагмента керамической посуды, представленной обломками стенок коричнево- и сероглиняных кухонных сосудов (48 экз.), красноглиняных тарных гладкостенных (8 экз.) и штрихованных (7 экз.) хумов, красноглиняных столовых каннелюрованных сосудов (8 экз.), столовых красно- и коричневоглиняных гладкостенных (51 экз.) и красноангобированных (5 экз.), сероглиняных лощёных сосудов (2 экз.). Формообразующие находки керамики представлены фрагментами:

- венчика красноглиняного кувшина-ойнохой (рис. 4, 1);
- ручки серолощеного кувшина (рис. 4, 10);
- венчика серокоричневого горшка с примесью шамота в тесте (рис. 4, 2);
- горловины коричневоглиняного тарного сосуда (рис. 4, 3);

Из верхней части ямы происходит и железная крица лодкообразной формы (7х9х4,5 см).

В нижней части ямы найдено 72 обломка керамики, представленной теми же технико-технологическими группами кухонной, столовой и тарной посуды. Среди формообразующих обломков укажем на фрагменты:

- венчиков и корпусов серо-коричневых горшков с примесью песка и толченой ракушки в тесте (рис. 4, 4, 6–9);
- венчика коричневоглиняного сосуда (рис. 4, 5);
- венчика и тулова коричневоглиняной и сероглиняной широкоустных кружек с ленточными ручками с примесью толченой ракушки (рис. 4, 11, 12).

После расчистки ямы 19 работы продолжились изучением культурных слоев 3 и 4.

Слой 3 представлял собой светло-серый рыхлый суглинок с включениями древесных угольков. Мощность слоя доходит до 180–185 см. Как было установлено в 2015 г., слой 3 на данном участке разделен глинобитными полами на две примерно равные половины (слои 3а и 3б). В 2016 г. исследовался нижний слой 3б.

Из него происходит 167 обломков керамической посуды, представленной, в основном стенками коричнево- и сероглиняных кухонных сосудов, красно- и коричневоглиняных столовых и тарных гладкостенных сосудов, коричнево- и сероглиняных сосудов с серой лощеной поверхностью. Единичными фрагментами представлена столовая красноангобированная и белоангобированная, сероглиняная с черной лощеной поверхностью керамика.

Формообразующие обломки представлены только несколькими фрагментами: венчика и ручки сероглиняного кувшина с черной лощеной поверхностью (рис. 4, 13, 15), венчика и плечика сероглиняного котелка с примесью шамота в тесте и с пояском из вдавлений ниже венчика (рис. 4, 14), венчика сероглиняного сосуда с примесью кварца и песка (рис. 4, 18), венчиков коричневоглиняного горшка с примесью шамота (рис. 4, 16) и красноглиняного сосуда с примесью шамота, с основанием округлой в сечении ручки (рис. 4, 17).

Ранее слой 3 в целом был датирован сер./кон. IV–V в. на основании его керамического комплекса и находок в 2014 и 2015 гг. двух бронзовых поясных овальнорамчатых с Г-образным язычком пряжек, характерных для кон. IV – нач. V в. (аналоги и датировка их см.: [7, с. 196; 8, с. 139, рис. 1, 6; 9, с. 51; 10, с. 268; 11, с. 22, 24, рис. 12, 19–22, 13, 2, 14, 6]). Обращает внимание отсутствие в нижней части слоя 3 т.н. сасанидской керамики и тар-

ной штрихованной керамики, представленных в верхней части слоя 3, и увеличенное присутствие столовой серолощенной керамики с серым и коричневым тестом (27 экз. из 167 фрагментов, т.е. ок.16%). Это может подтверждать датировку нижней части слоя 3 сер. – втор. пол. IV в.

При снятии слоя 3 была выявлена *хозяйственная яма 22* (рис. 3). Она имела колоколовидную форму, диаметр устья – ок.65 см, диаметр дна – ок.90 см, глубину от 70 см (в западной части) до 58–60 см (восточный край ямы имеет понижение). Яма была полностью заполнена чистой плотной светло-коричневой глиной, которая благодаря своим свойствам (эластичности, пластичности) могла использоваться в гончарном производстве, памятью о нахождении рядом крупной гончарной печи.

При снятии слоя 3 в кв. в-7 было выявлена *хозяйственная яма 21* (рис. 3). Она имела колоколовидную форму, диаметр устья – 90–92 см, диаметр дна – 132 см, глубину – 100 см. Заполнение верхней части ямы представляло темно-коричневый рыхлый суглинок с древесными угольками и большим количеством кусков обожженного турлука. Нижняя часть заполнения представляла серо-коричневый суглинок.

Из верхней части ямы происходит 34 обломка керамики, в т.ч. фрагменты стенок кухонной посуды, венчиков коричневоглиняных горшков с примесью песка и кварца (рис. 5, 2,3), стенка красноглиняных столовых сосудов, красноглиняного красноангобириванного сосуда, коричневоглиняного кувшина, покрытого каннелюрами, бортика сероглиняной реберчатой мисочки с черной лощеной поверхностью (рис. 5, 1), характерной для албано-сарматского времени.

В нижней части ямы найдено 55 обломков керамики, в т.ч. фрагменты венчиков красноглиняных кувшинов-ойнохой (рис. 5, 4,5), стенка красно- и коричневоглиняных кувшинов, покрытых каннелюрами (рис. 5, 6), коричнево- и сероглиняных кухонных сосудов и красно- и коричневоглиняной столовой гладкостенной керамики.

Устье хозяйственной ямы 21 находилось на границе слоя 3 и нижележащего слоя 4, т.е. ее образование и функционирование приходится на конец отложения слоя 4 и начало образования слоя 3, нижняя хронологическая граница которого предварительно отнесена к сер. IV в. Керамический комплекс из ямы не противоречит этой дате.

Слой 4 представлял плотный коричневый суглинок. Толщина слоя составляет до 50 см, постепенно уменьшаясь и понижаясь в восточную сторону. Из слоя происходит 75 фрагментов керамики – главным образом, стенка кухонной и столовой керамики (в т.ч. серо- и чернолощенной – 11 экз. или 14,6 %). Формообразующие экземпляры представлены фрагментами венчиков коричневоглиняного горшка с примесью шамота и вкраплениями кварца в тесте (рис. 4, 19), коричневоглиняного кувшина с примесью шамота (рис. 4, 20), сероглиняного кувшина (рис. 4, 21), сероглиняного лощеного кувшина (рис. 4, 22), стенка сероглиняного лощеного сосуда с двумя параллельными окаймляющими желобками и плечика сероглиняного лощеного кувшина с валиком с каплевидными вдавлениями, характерных для албано-сарматского времени. В слое 4 не представлена сасанидская керамика и другие технологические группы керамики, характерные для V–VI вв. Ранее на основании стратиграфического положения слоя 4, датировки слоя 3 (сер./кон. IV–V в.) и характера керамического комплекса слоя 4, он был датирован в рамках III – сер. IV в.

При снятии слоя 4 была выявлена впущенная в материк *хозяйственная яма 23*, южная половина которой уходила в южный борт раскопа (рис. 3, б). Диаметр устья ямы составил около 155 см, диаметр дна – 190–192 см, глубина – 120 см. Заполнение ее – рыхлый серо-коричневый суглинок с вкраплениями угольков; в придонной части – более плотный коричневато-серый суглинок. В верхней части ямы – скопление среднего и мелкого бутового камня.

Из заполнения ямы происходит 53 обломка керамики – в основном стенки коричнево- и сероглиняных кухонных (25 экз.), красно- и коричневоглиняных столовых (6 экз.), красноглиняных тарных (6 экз.), столовых сероглиняных лощеных сосудов (4 фрагмента). Формообразующие обломки представлены фрагментами венчиков коричневоглиняной миски с примесью шамота (рис. 5, 7), красноглиняного кувшина-ойнохой (рис. 5, 8), ко-

ричневоглиняного горшка с серым изломом и примесью шамота (рис. 5, 9), сероглиняного горшка с примесью песка (рис. 5, 10), горизонтальной ручки красноглиняного сосуда.

В ходе вскрытия слоев 3 и 4 рядом со стеной 4 была доисследована *хозяйственная яма 17* (рис. 3), частично исследованная в 2015 г. Яма была впущена в нижнюю половину слоя 3. Она имела колоколовидную форму, овальное устье размерами ок.1,1х0,78 м, диаметр дна 1,65 м, глубину 2,27-2,30 м. Заполнение ямы представляло серый, серо-коричневый рыхлый грунт с мелкими древесными угольками, мелким бутом, с редкими зольными прослойками. В нижней части ямы наблюдалось скопление плоских удлиненных плит и бутовых камней (76х36х6 см, 63х23х13 см, 70х24х6 см, 56х22,5х6,5 см, 29х22х5 см), лежавших наклонно по направлению с ЮВ на СЗ. Очевидно, что эти камни лежали на перекрытии ямы и рухнули в нее одновременно. В придонной части ямы наблюдались зеленоватые прослойки органического происхождения. Яма стратиграфически и хронологически связана с завершением отложения нижней части слоя 3 и началом отложения верхней части слоя 3, но до сооружения стены 4, под которую она уходит.

В 2016 г. в заполнении нижней половины ямы было обнаружено 89 обломков керамики. Это те же технологические группы, характерные в целом для слоя 3: столовая красно- и ричневоглиняная гладкостенная, красноангобированная, каннелюрованная, тарная штрихованная, кухонная серо- и ричневоглиняная и др. Все фрагменты представляют стенки за исключением двух венчиков: сероглиняного горшка с примесью песка (рис. 5, 11) и бежевоглиняного тарного сосуда (рис. 5, 12).

В результате вскрытия слоя 4 на данном участке были выявлены еще две своеобразные ямы, получившие цифровые обозначения 24 и 25 и впущенные в материковый грунт.

Хозяйственная яма 24 была зафиксирована у южного борта, причем южная часть ее уходила в борт раскопа (рис. 3, 6). Диаметр ее 180 см, глубина всего лишь 30–35 см. Стенки ямы вертикальные. На дне ямы, в центре выявлена небольшая ямка – ее диаметр 20 см, глубина 13 см, которая, видимо, использовалась для установки столба. В заполнении ямы обнаружено только 5 обломков керамики – это фрагменты венчиков ричневоглиняного сосуда (рис. 5, 13), ричневоглиняного кувшина-ойнохой с примесью шамота в тесте (рис. 5, 14) и трех стенок ричневоглиняных кухонных сосудов. Малая глубина ямы, столбовая ямка в центре предполагают, что это была немного заглубленная в грунт небольшая круглоплановая легкая хозяйственная постройка, но обращает внимание отсутствие каких-либо следов образующих ее стенок (например, в виде ямок для жердей, столбиков, расположенных по окружности).

Хозяйственная яма 25 была зафиксирована у западного борта раскопа и в площади раскопа оказалась часть ее восточной половины (рис. 3, 6). Диаметр ямы – ок.2 м. Стенки ее вертикальные. В северном и северо-восточном секторе вдоль стенки ямы прослежена ступень, сделанная, как и сама яма в материковом грунте. Общая глубина ямы 47 см. Заполнение ямы – серый средней плотности грунт. В нем обнаружены только фрагмент венчика сероглиняного лощеного кувшина (рис. 5, 15) и два обломка стенок ричневоглиняных кухонных сосудов.

Относительная датировка данных ям определяется временем начала отложения накрывающего их слоя 4, т.е. III в. н.э. Но не исключено, что они могут относиться и к более раннему времени (первые вв. н.э.).

Как отмечалось, в 2016 г. раскоп был расширен в южном направлении, где вскрывались верхние культурные напластования (рис. 3). Ниже приводим описание вскрытых здесь слоев, строительных, хозяйственно-бытовых остатков и находок, а также впущенных средневековых погребений.

Слой пахоты (*слой 1*), толщиной 30–50 см, представляет собой серый, средней плотности комковатый суглинок с включением небольших бутовых камней и незначительного количества древесных угольков. В основании слоя 1 на многих участках зафиксированы скопления бутового камня, очевидно, от разрушенных домостроений и отделяющие слой 1 от нижележащего слоя 2, накрывающего остатки строений. Из слоя происходит значительное количество фрагментов разновременной керамической посуды. Здесь представлены 10 обломков средневековых керамических труб водовода, 7 фрагментов глазурован-

ной керамики домонгольского времени, многочисленные обломки керамики позднеасанидского времени – красноглиняной и коричневоглиняной тарной (в т.ч. штрихованной), столовой, в т.ч. сасанидской, кувшины-ойнохой, коричневоглиняной белоангобированной столовой керамики, красноангобированной и красноглиняной каннелюрованной керамики, редкой белоангобированной. В значительном количестве представлены фрагменты серо- и коричневоглиняных горшков. Формообразующие обломки керамики позднеасанидского времени представлены фрагментами, в частности:

- коричневоглиняных горшков с примесью толченой ракушки и серым изломом в тесте (рис. 7, 1–3);
- стенок коричневоглиняных лощеных кувшинов с каннелюрованным орнаментом (рис. 7, 4);
- витой ручки красноглиняного кувшина (рис. 7, 5);
- слива красноглиняного кувшина-ойнохой (рис. 7, 6);
- ручки красноглиняного кувшина с врезным ёлочным орнаментом на внешней стороне ручки (рис. 7, 7);
- стенки с основанием ленточной ручки красноглиняного красноангобированного кувшина.

Выделим группу сасанидской керамики, представленной:

- венчиком высокой горловины красноглиняного кувшина с примесью толченой ракушки в тесте (рис. 8, 1);
- венчиком коричневоглиняного тарного сосуда с примесью песка, с двумя поясками из многорядных врезных прямых и волнистых линий (рис. 8, 2);
- венчиком и ручкой светло-коричневоглиняного кувшина (рис. 8, 3);
- венчиком крупного коричневоглиняного тарного сосуда с примесью толченой ракушки и песка (рис. 8, 4);
- стенкой тулова коричневоглиняного кувшина с пояском из многорядных волнистых врезных линий (рис. 8, 5);
- венчиками и стенками крупных толстостенных красно- и коричневоглиняных мисок типа *тагара* (лохани) с фракциями песка и мелко толчёной ракушки в тесте (рис. 8, 6, 7);
- венчиком крупного широкоустного сферического коричневоглиняного сосуда с примесью песка (рис. 8, 8);
- венчиком коричневоглиняного тарного сосуда с примесью шамота (рис. 8, 9).

Индивидуальные находки из слоя 1 представлены двумя железными коваными гвоздями, фрагментом керамического пряслица из стенки розовоглиняного сосуда (рис. 7, 8) и каменным колесиком ($d = 9,5–10$ см, d отверстия = 3,5–4,0 см, толщина 3,5 см).

Слой 1, нарушенный распашкой и террасированием, датируется позднеасанидским временем (VI – нач. VII в.). Присутствие в нем в незначительном количестве материалов сельджукского времени объясняется тем, что данная территория входила в зону активной сельскохозяйственной округи города.

Слой 2 – средней плотности суглинок серого, серо-коричневатого цвета, с вкраплениями древесных угольков, насыщенный бутовым камнем, иногда образующим скопления, очевидно, от разрушенных стен строений, накрытых слоем 2. Толщина слоя – 20–55 см.

В слое найдено значительное количество фрагментов столовой, кухонной, тарной керамики, характерной для середины I тыс. н.э. Это те же указанные выше технико-технологические группы. Показательные формообразующие обломки керамики слоя 2 представлены фрагментами:

- венчиков коричневоглиняных котлов с примесью шамота, толченой ракушки в тесте и со следами копоты (рис. 7, 9–14);
- венчика красноглиняного тарного сосуда с серым изломом (рис. 7, 15, 22, 23);
- венчиков красноглиняных кувшинов-ойнохой с налепами-«газками» по бокам слива (рис. 7, 16, 17);
- горловины красноглиняного кувшина с пояском из двух параллельных окаймляющих линий и широкой окаймляющей волнистой линии между ними (рис. 7, 18);
- венчика красноглиняного кувшина-ойнохой, покрытого каннелюрами (рис. 7, 19);

- стенок коричневоглиняных лощеных кувшинов, покрытых каннелюрами (рис. 7, 20,21);
- стенки коричневоглиняного горшка с ленточной ручкой с примесью шамота (рис. 9, 1);
- венчика и тулова серо-коричневого горшка с примесью песка и кварца (рис. 9, 2);
- Г-образной ручки красноглиняного кувшина (рис. 9, 3);
- стенки красноглиняного сосуда с окаймляющей зигзагообразной врезной линией, подчеркивающей переход от тулова к горлу (рис. 9, 4);
- горловины с коричневоглиняного кувшина-ойнохои (рис. 9, 5);
- ленточная ручка с пуговичным налетом красноглиняной кружки (рис. 9, 6);
- ручки с горизонтальными насечками в месте крепления к венчику красноглиняного кувшина;
- венчика красноглиняного красноангобированного кувшина с примесью песка;
- венчика с ручкой красноглиняного кувшина; в месте крепления ручки к венчику – врезная «галочка» (рис. 9, 9).
- стенки коричневоглиняного сосуда с пояском из многорядных легких волнистых линий и окаймляющего ряда из коротких многорядных врезных линий (рис. 9, 7).

Образцы сасанидской керамики представлены фрагментами: венчиков красноглиняных кувшинов (рис. 8, 10, 11); венчика розовоглиняного кувшина с примесью мелкотолченой ракушки (рис. 7, 12); горловины красноглиняного кувшина с примесью мелкотолченой ракушки (рис. 8, 13); венчиков красноглиняных мисок (рис. 8, 14,15); венчиков коричневоглиняных тарных сосудов (рис. 8, 18,19); кольцевых поддонов светлокоричневоглиняных сосудов с примесью песка в тесте (рис. 8, 16,17).

Индивидуальные находки из слоя 2 представлены: коричневоглиняной плоской (рис. 9, 8); заготовкой (диск) керамического пряслица из стенки коричневоглиняного сосуда (рис. 9, 10); керамическим пряслицем из стенки красноглиняного сосуда с каннелюрами (рис. 9, 11); маленьким керамическим диском из стенки красноглиняного сосуда (рис. 9, 12); фрагментом коричневоглиняного керамического штыря (рис. 9, 13); донцем стеклянного желтоватого сосудика с гофрированными стенками (рис. 9, 14); бронзовым несомкнутым кольцом (рис. 9, 15); бронзовой булавкой с 14-гранным навершием (рис. 9, 16); стенкой стеклянного светло-зеленого сосуда; двумя кусочками шлака; обломком зернотерки; каменным пестом.

Керамический комплекс слоя 2, датировка вышележащего слоя 1 и нижележащего слоя 3 (см. выше), позволяют датировать слой 2 второй пол. V – нач./сер. VI в.

В ходе снятия слоев 1 и 2 были выявлены шесть погребений, получившие продолжающуюся нумерацию – *погребения №№ 22–27*. Могильные ямы практически не прослеживались вследствие того, что погребения были впущены в существовавший культурный слой, и частично фиксировались в некоторых погребениях только на уровне скелетов. Представленные погребения в основном взрослых людей, как и ранее открытые погребения №№ 1–21, объединены в целом единым устойчивым погребальным обрядом, характеризующимся захоронением умерших в удлиненной узкой грунтовой яме, ориентированной по линии на ЮЗЗ-СВВ, в вытянутом положении на спине или на правом боку, головой на ЮЗЗ с обращенными на юг лицевыми костями черепа; руки согнуты в локтях или вытянуты вдоль туловища или левая рука согнута, а правая – вытянута. Эти характерные черты и, прежде всего, поворот головы вправо, лицевыми костями на юг по направлению *киблы*, представляют мусульманский обряд захоронения. Датировка в силу безынвентарности захоронений затруднена, но очевидно, они относятся ко времени развитого средневековья (XIV–XV вв.).

Особый интерес представляет *погребение 24*, совершенное в простой грунтовой яме и в котором череп погребенного мужчины (Matures I) имел следы травмы, ставшей причиной смерти – задняя часть теменной кости была срезана режуще-рубящим орудием (сабля?), а в верхней части лобной кости (около темени и коронального шва) имелись два следа рубящих ударов в виде коротких насечек.

В результате вскрытия слоев 1 и 2 были выявлены продолжения стен 4 и 11, стены 12 и 13, связанные с ними хозяйственно-бытовые остатки. Укажем, что в результате работ

2012–2015 гг. определилась система застройки данной части поселения, возникшая здесь в конце отложения слоя 3 и в период отложения слоя 2 (сер. V–VI в.): здесь проходила выделяющаяся своими более крупными параметрами стена (стена 4), обращенная своим восточным фасом в сторону Дербентского прохода и выполнявшая роль внешней фасадной стены домостроений Дербентского поселения, выполняя, тем самым, и оборонительную функцию. К этой общей для домостроений стене примыкали помещения, разделенные смежными стенами (рис. 2, 10). Выявленные помещения данного горизонта, образованные стенами 2–4, 6, 10, 11, получили обозначение – *помещения 1–5*. При этом отметим, что не выявлены их западные стены, создающие замкнутое пространство (в этой части расположены ряды сосен). Не полностью вскрытые в 2016 г. помещения получили продолжающуюся нумерацию: *помещение 6* образовано стенами 4, 11 и 12, *помещение 7* – стенами 4, 12, 13, *помещение 8* – стенами 12 и 13 (рис. 10).

Смежные стены строений сложены из крупного и среднего бутового камня, иногда немного подправленного, на глиняном растворе, с использованием мелких камней для придания устойчивости конструкции. Кладка стен сохранились на высоту 1–4 ряда (20–50 см) при ширине 45–55 см.

От этих стен отличается стена 4, выявленная в 2012 г. и общая для помещений 1–7, примыкающих к ней (рис. 2, 10). Стена уже прослежена на 22 м. Она сложена на глиняном растворе двупанцирной или двурядной по толщине кладкой из крупных и средних необработанных или частично подправленных камней с использованием мелких камней во внутренней забутовке стены и при подкладке под крупные камни для их большей устойчивости. Ширина стены составляет 65–75 см, при высоте max. 68–95 см.

В восточной части помещения 6 была выявлена *каменная конструкция* (рис. 2, 3, 11а), сложенная из четырех бутовых камней. Кладка имела размеры ок. 68x56 см и представляла обкладку по периметру небольшой подквадратной (28x29 см) в плане ямки глубиной 30 см, заполненной серо-коричневым рыхлым суглинком с включением мелких древесных угольков и фрагментов керамики. Пространство вокруг конструкции было обмазано глиной, фиксирующей уровень пола данного помещения. Из заполнения ямки происходит 51 фрагмент коричневоглиняного горшка со следами копти (рис. 13, 2). Можно было бы полагать, что данная конструкция представляет собой стационарный очаг, но камни не имеют следов обожженности, а заполнение не имело характерной насыщенности угольками и золой. Возможно, она служила для установки на нее горячего горшка с готовой пищей (размеры горшка чуть более размера устья ямы), а в ямку укладывались горячие угли.

В 1,2 м от описанной каменной конструкции были расчищены остатки разрушенной погребением 24 стационарной *глинобитной печи (тендир?)*, встроенной в кладку стены 12 (рис. 2, 3). Печь имела диаметр дна 62–64 см, высоту не менее 40 см и, очевидно, была немного (до 10–12 см) заглублена в пол.

В помещении 6 обнаружены стоявшие на полу и раздавленные сосуды различного назначения (рис. 3, 11б), в т.ч. три светло-коричневоглиняных сасанидских кувшинойнохой (рис. 12, 5–7), еще два кувшина (рис. 12, 3, 4), три тарных сосуда (рис. 13, 4–6), два горшка (рис. 12, 1, 2). Из них скопление четыре сосуда (двух тарных и трех кувшинов) находилось вплотную к стене 12 (рис. 11б).

В помещении 7 было зафиксировано скопление керамики, включавшее фрагменты красноглиняного тарного сосуда со сплошной двусторонней штриховкой тулова (рис. 13, 10, 11). Здесь же на уровне пола были найдены обломки керамической посуды, среди которой выделяются фрагменты венчика сасанидского коричневоглиняного сферического сосуда с вкраплениями толченой ракушки в тесте (рис. 13, 7) и кольцевого поддона сасанидского красноглиняного кувшина (рис. 13, 9).

В следующем сезоне планируется расширение раскопа в южную сторону с целью полного вскрытия помещений 6–8.

В заключение остановимся на возможной интерпретации исторического момента, отраженного в судьбе вскрытого жилищно-хозяйственного комплекса, прекратившего

функционирование в конце отложения слоя 3, датируемого сер. IV–V в., и перед началом отложения слоя 2, датируемого сер. V – нач./сер. VI в.

Находка *in situ* значительного количества сосудов на полу помещения 6, отдельных сосудов в других помещениях данного комплекса, функционировавшего на рубеже слоев 2 и 3, может свидетельствовать о внезапности его оставления, связанного с какой-то угрозой, и последующей его гибели. Заметим, что в отдельных местах помещения 6 на уровне пола фиксировались зольные пятна, обожженные участки, скопления древесных угольков, следы сгоревших деревянных тонких балок и жердей. Учитывая датировку слоев 2 и 3, мы склонны связывать прекращение функционирования этого комплекса, оставление его обитателями с бурными военно-политическими событиями середины 450-х гг., а именно с антисасанидским восстанием 450–451 гг. (о восстании: [12, с. 41–60; 13, с. 201–213; 14, с. 65–91]).

Учитывая значительное присутствие в комплексе сасанидской керамики, указывающей на культурную среду, возможно, связать факт прекращения существования этого комплекса с захватом Дербентского поселения («пахак хонов», «пахак стены», «укрепления при вратах гуннов») или восставшими в 450 г., или, скорее, гуннами, совершившими вслед за поражением восстания в 451 г. разорительное вторжение в Албанию через Дербентский проход. Напомним, что в ходе восстания повстанцы овладели Дербентским проходом, охрану которого поручили Вахану «из царского рода Албании». Это дало ему возможность направиться «в страну хонов и ко многим другим племенам варваров, бывших союзниками страны хонов», и заключить с ними военный союз в [15, с. 242; 16, р. 35]. Однако гунны, нарушив «нерушимую клятву» «по небесному закону» (очевидно, клятва именем Тенгри), не оказали своевременной поддержки восставшим, несмотря на неоднократные напоминания о договоре. Гунны предприняли вторжение в Закавказье уже после решающего сражения (26 мая 451 г. на Аварайрском поле), когда обе стороны были ослаблены, а восставшие фактически разгромлены [15, с. 277].

Так можно интерпретировать эпизод прекращения функционирования внезапно брошенного жилищно-хозяйственного комплекса первой половины – середины V в. н.э., исследуемого экспедицией. Возможно, последующие раскопки предоставят более веские доводы в пользу высказанного предположения.

Благодарность: Работы проведены при финансовой поддержке РФФИ, проект 16-01-18022е «Археологические исследования в зоне Дербента».

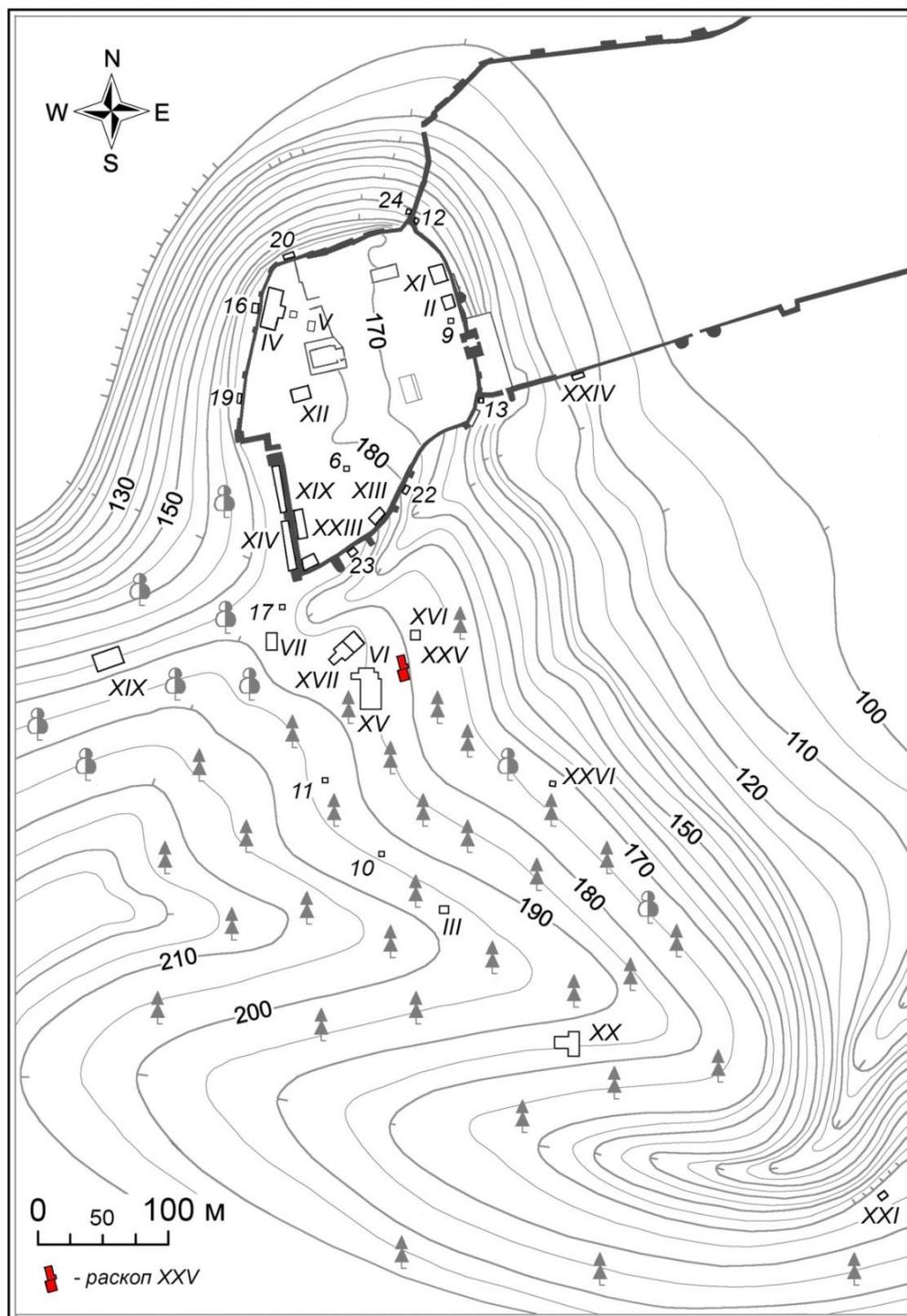

Рис. 1. Дербент. План цитадели Нарын-кала VI в. и Дербентского поселения с указанием места расположения раскопа XXV, а также ранее заложенных раскопов (обозначены римскими цифрами) и стратиграфических шурфов (обозначены арабскими цифрами)

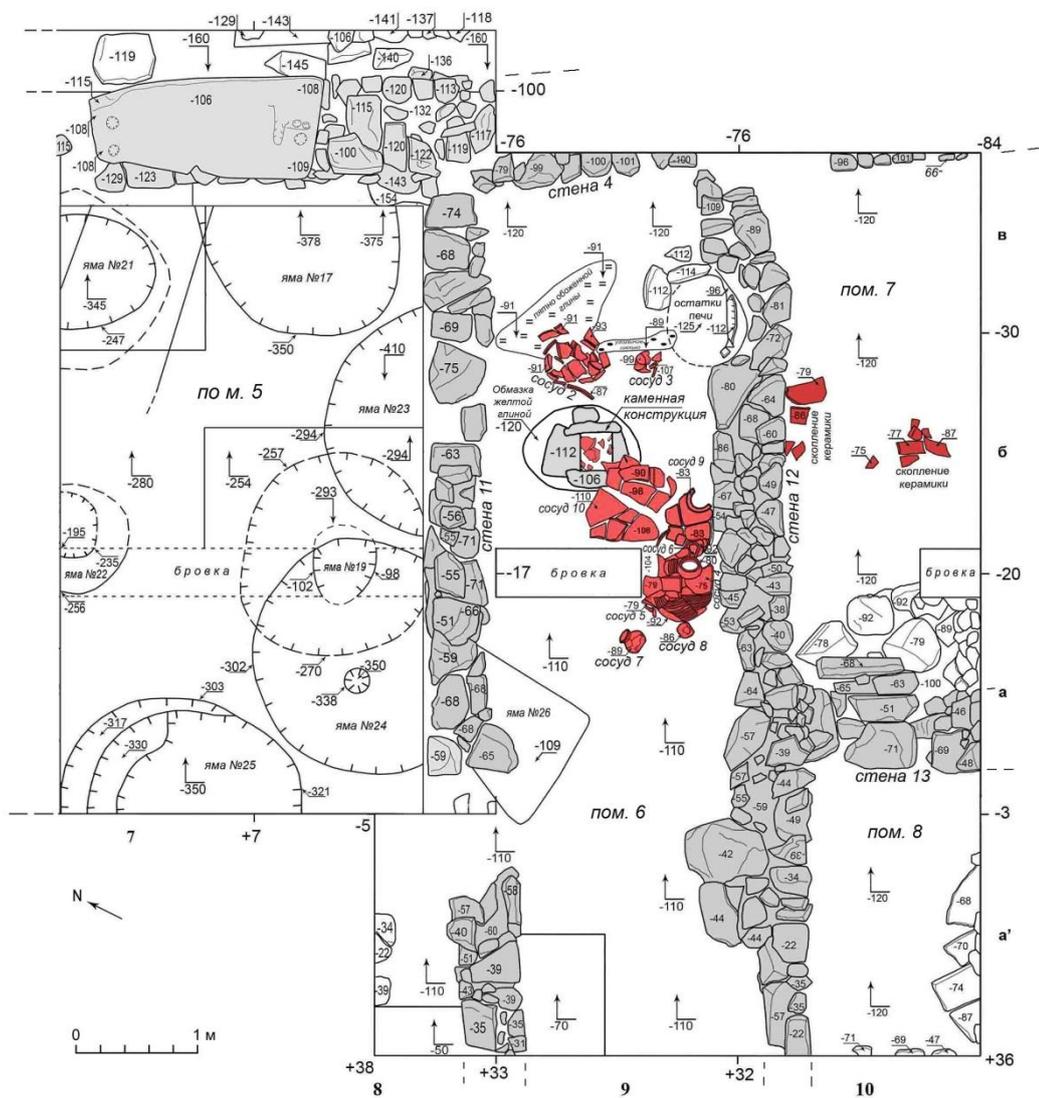

Рис. 3. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Южный сектор.
План участков, вскрывавшихся в 2016 г.

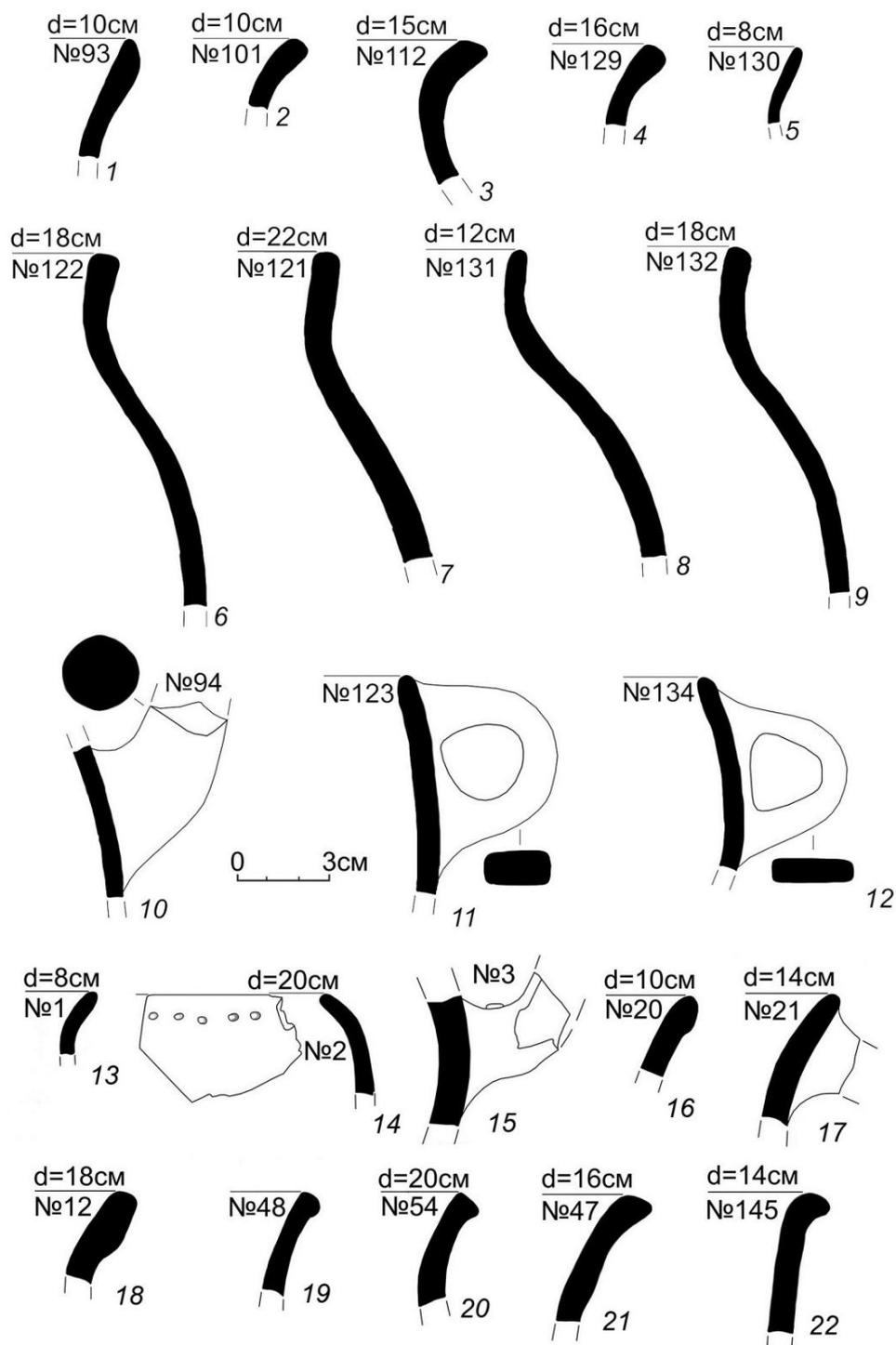

Рис. 4. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Фрагменты керамических сосудов из заполнения хозяйственной ямы 19 (1–12), из слоев 3 (13–18) и 4 (19–22)

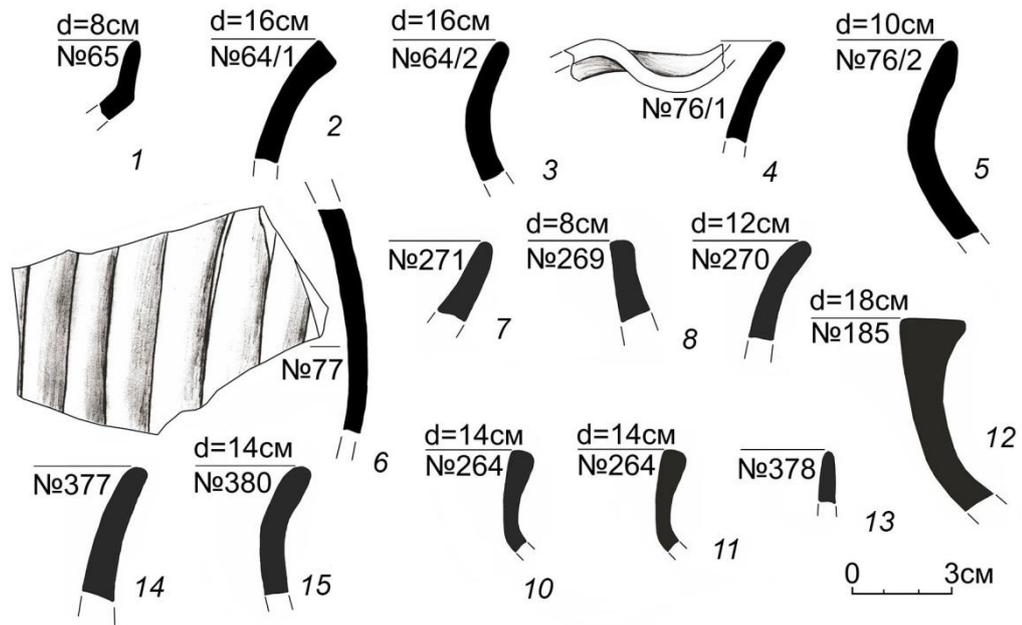

Рис. 5. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Фрагменты керамических сосудов из заполнения хозяйственных ям 21 (1-6), 23 (7-11), 17 (12, 13), 24 (14, 15) и 25 (16)

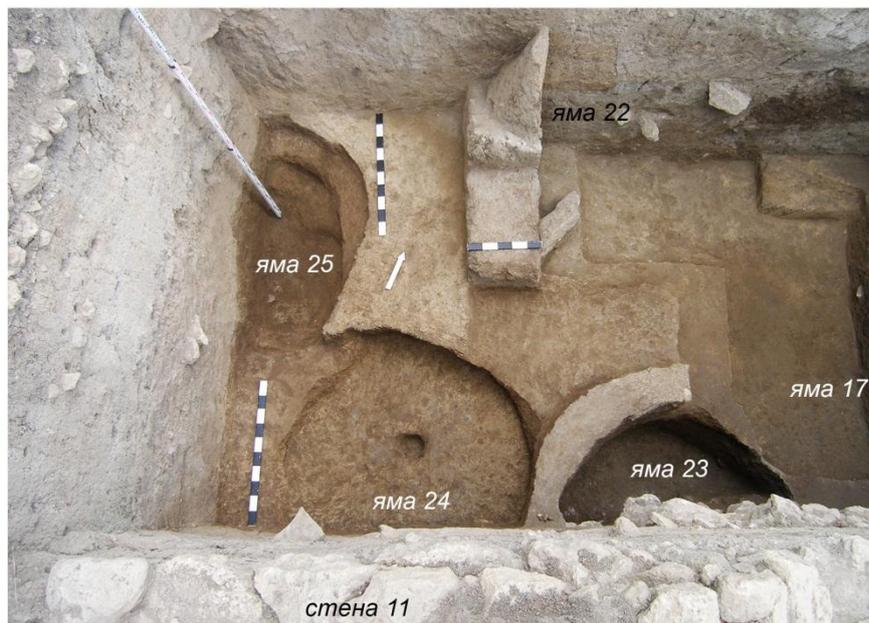
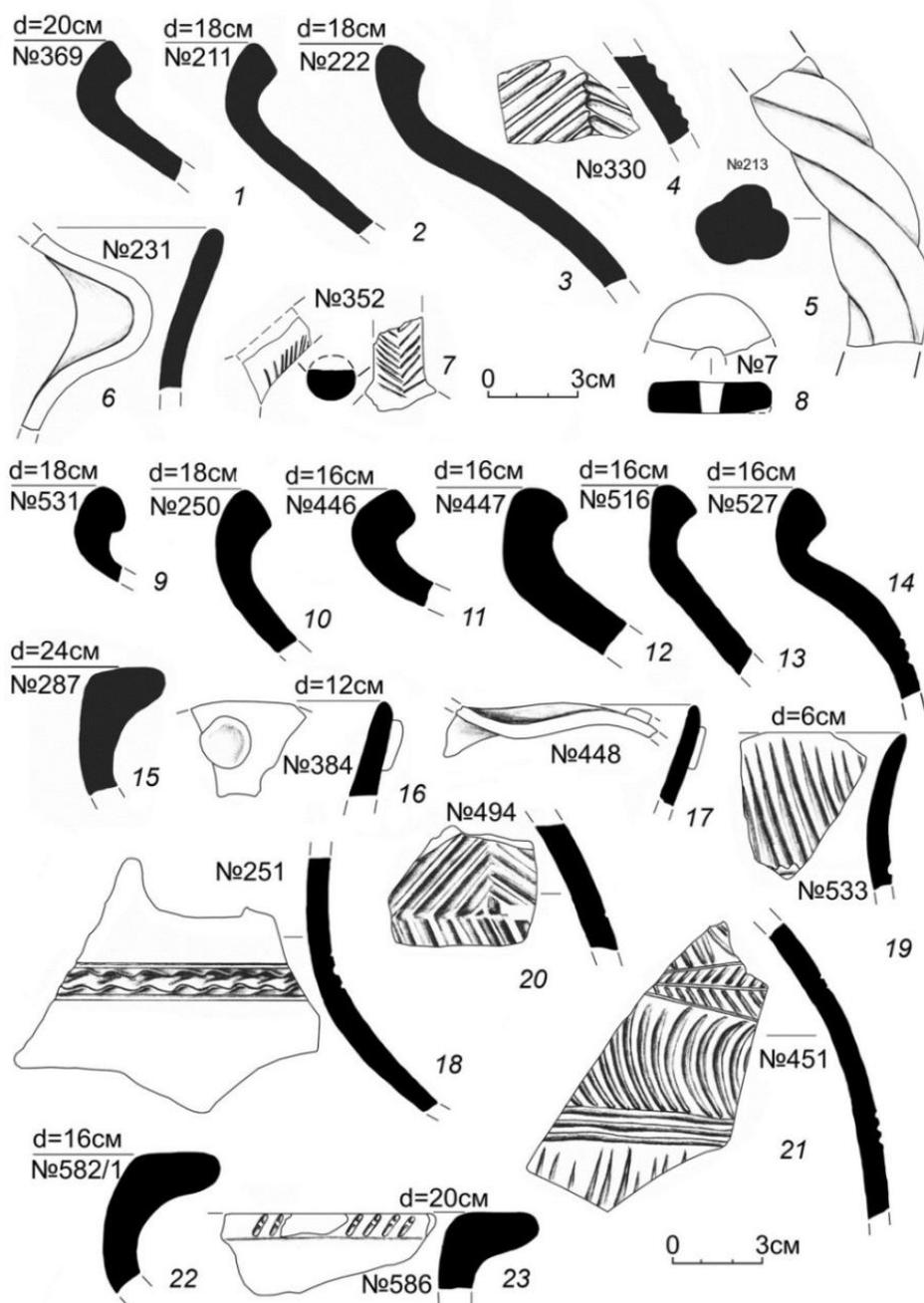

Рис. 6. Дербентское поселение. Раскоп XXV. Хозяйственные ямы 23, 24 и 25 после расчистки. Вид с ЮЮВ

ис. 7. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Фрагменты керамических изделий из слоев 1 (1–8) и 2

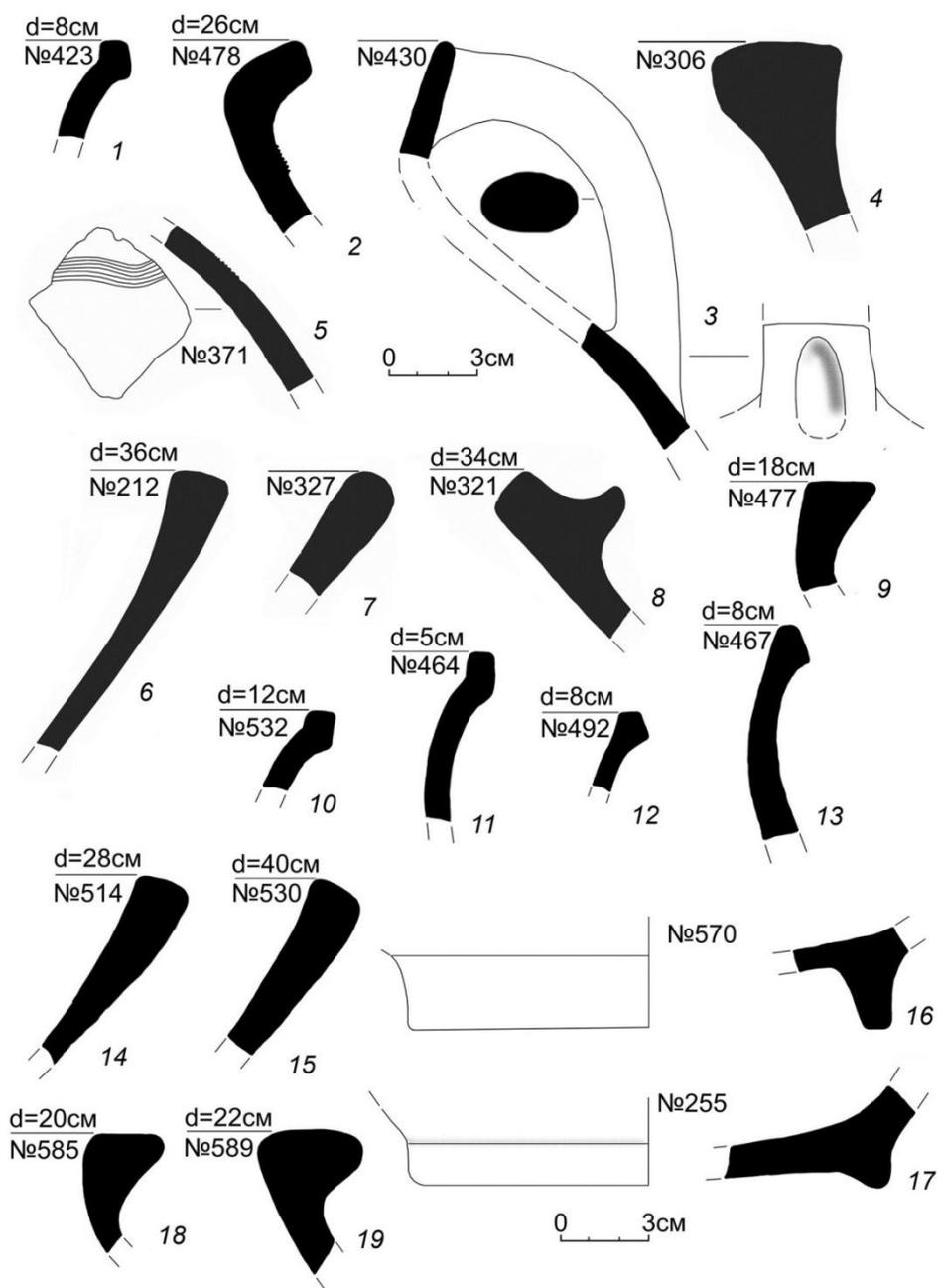

Рис. 8. Дербентское поселение.
Раскоп XXV. Фрагменты сасанидской керамики из слоя 1 (1–9) и 2 (10–18)

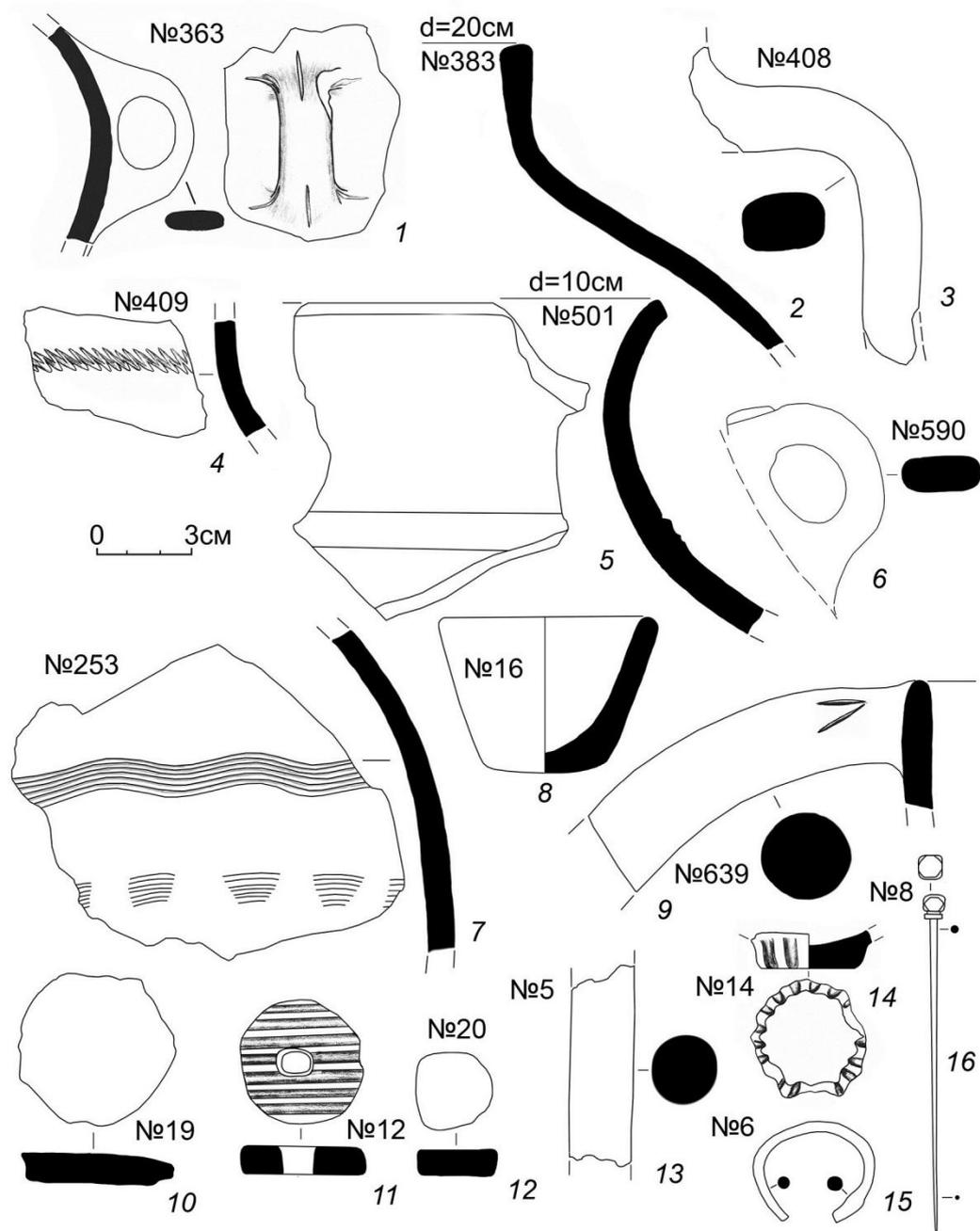

Рис. 9. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Керамика (1–9) и индивидуальные находки (10–15) из слоя 2

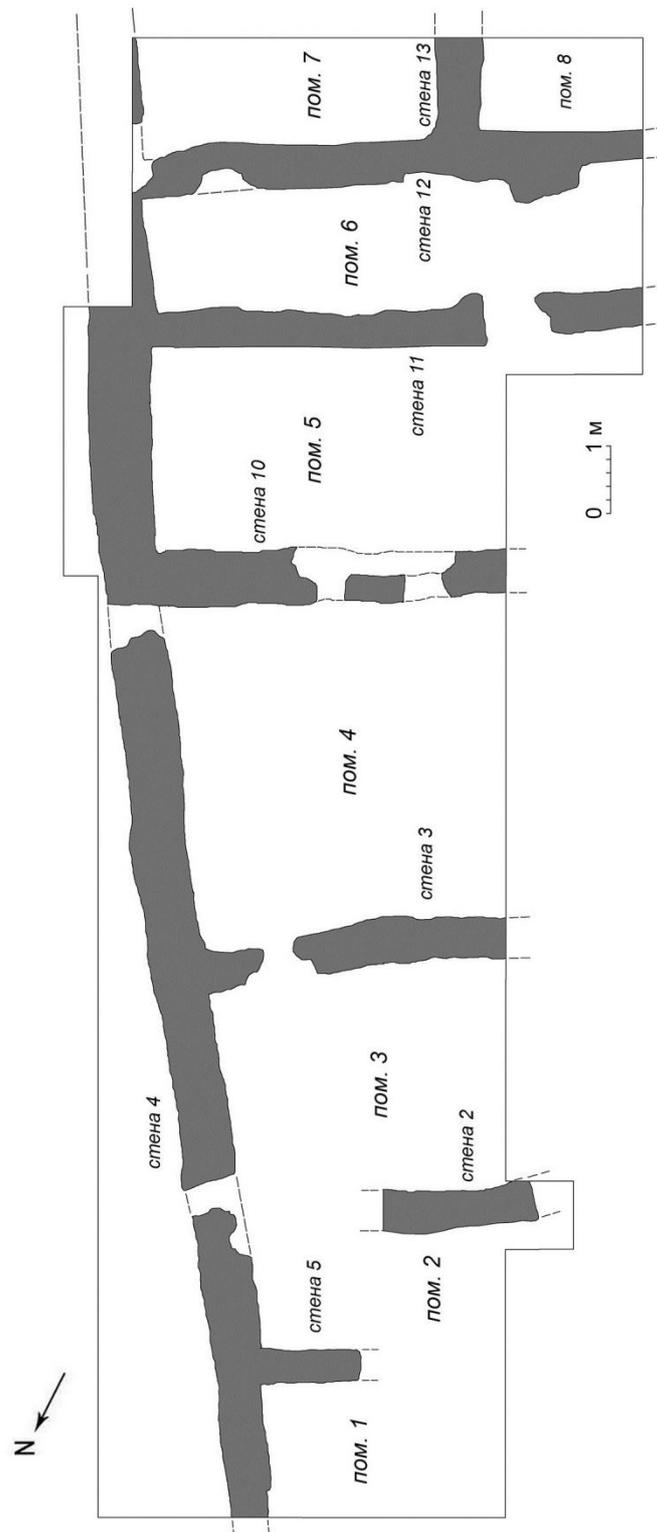

Рис. 10. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
План-схема выявленных архитектурных остатков – помещений 1-8

а

б

Рис. 11. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Помещение 6. Каменная конструкция (а) и развал сосудов 4–9 (б)

а

б

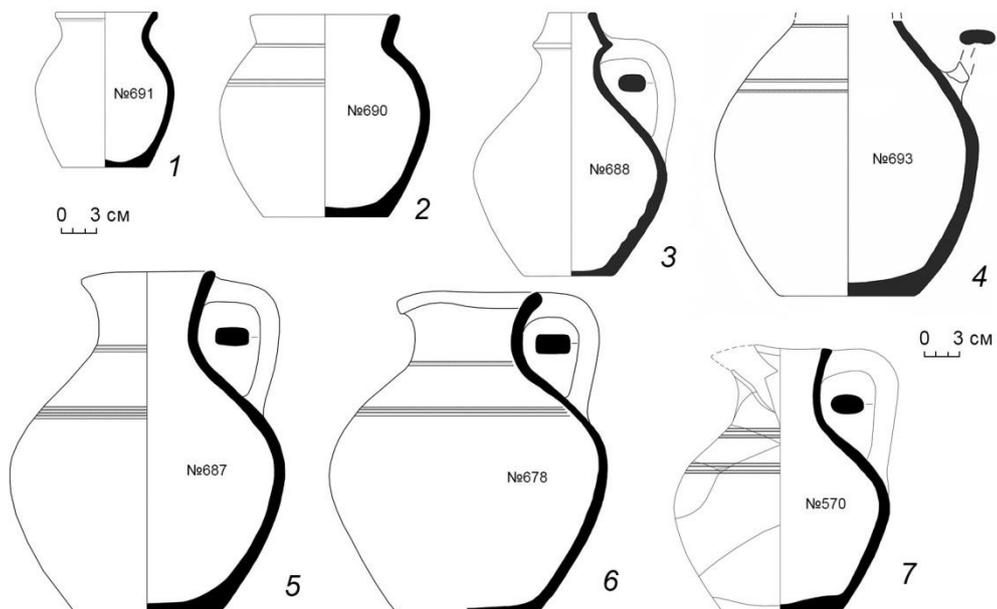

Рис. 12. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Керамические сосуды с уровня пола помещения 6

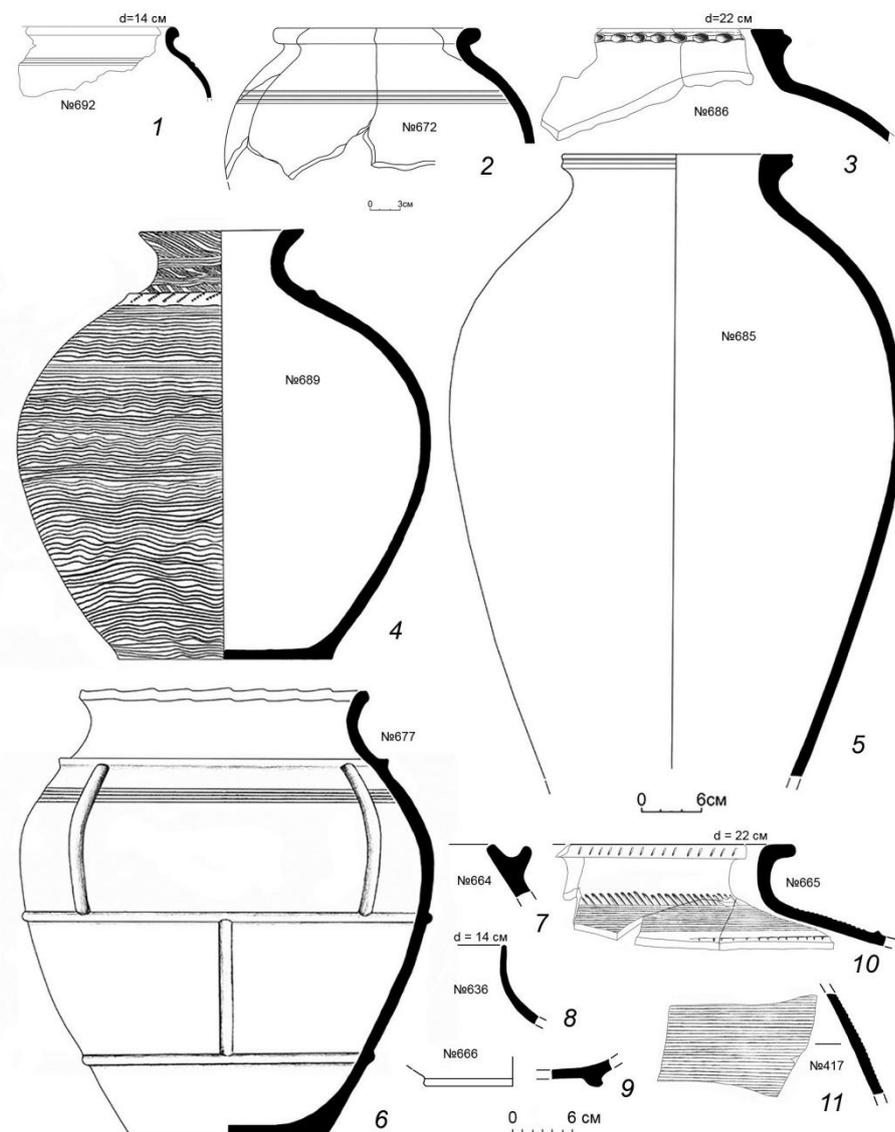

Рис. 13. Дербентское поселение. Раскоп XXV.
Керамические сосуды с уровня полов помещений 6 (1–6) и 7 (7–11)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. 2013. С. 108–129.
2. Гаджиев М.С. Дербентское поселение: некоторые итоги раскопок (2012–2016 гг.) // Вестник РФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. 2017. С. 155–163.
3. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2014 г. М.: ИА РАН, 2016. С. 220–223.
4. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Новейшие исследования Дербентского поселения первой пол. – сер. I тыс. н.э. // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Матери-

алы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 94–95.

5. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Раскопки Дербентского поселения в 2012–2015 гг. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2016. С. 139–140.

6. Гаджиев М.С., Будаичев А.Л., Абиев А.К., Абдулаев А.М. Раскопки Дербентского поселения // Археологические открытия 2015 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 259–260.

7. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

8. Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы середины III–IV вв. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.

9. Гавритухин И.О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI) // Сто лет черняховской культуры. Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 1999. С. 48–86.

10. Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // *Diespätromische Keiser zeitund die frühe Völkerwan der ungszeitin Mittei- und Osteuropa*. Kongress Łódź. 9.-11. November 1996. Maczynska M., Grabarczyk, T. W. [Hrsg.]. – Łódź: Wydaw. Uniw., 2000. S. 261–320.

11. Гавритухин И.О. Глава 1. Днепровское лесостепное левобережье. 1.2. Финал черняховской культуры // Раннеславянский мир. Вып. 9. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 9–24.

12. Еремян С.Т. Народно-освободительная война армян против персов // ВДИ. № 4. 1951. С. 41–60.

13. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 392 с.

14. Юзбашян К.Н. Армянская эпопея V века: От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елишэ. Слово о войне Армянской. Пер. с древнеарм. акад. И.А. Орбели. Новая ред. К.Н. Юзбашяна. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2001. – 344 с.

15. Елишэ. Слово о войне Армянской. Пер. с древнеарм. акад. И.А. Орбели. Нов. ред. К.Н. Юзбашяна // Юзбашян К.Н. 2001. Армянская эпопея V века. От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2001. С. 192–330.

16. Ghazar P'arpec'i's *History of the Armenians*. Transl. From Classical Armenian by R. Bedrosian. 1985. [дата обращения: 02.09.2018]. Доступ по ссылке: https://archive.org/stream/GhazarParbetsisHistoryOfTheArmenians/Ghazar_djvu.txt.

REFERENCES

1. 1. Gadzhiev M.S., Budaychiev A.L. Excavations of the Derbent settlement in 2012 [Raskopki Derbentskogo poseleniya v 2012 g.]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii = Bulletin of the Institute of history, archeology and ethnography*. 2013 (4): 108–129.

2. Gadzhiev M.S. The Derbent settlement: some of the excavation results (2012–2016) [Derbentskoe poselenie: nekotorye itogi raskopok (2012–2014 gg.)]. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. 2017, 2(87): 155–163.

3. Gadzhiev M.S., Abiev A.K., Budaychiev A.L., Abdulaev A.M., Shaushev K.B. Excavation of the Derbent settlement [Raskopki Derbentskogo poselenija]. *Archaeological discoveries of 2014. (Arheologicheskie otkrytiya 2004 g.)*. 2016: 220–3.

4. Gadzhiev M.S., Budaychiev A.L., Abdulaev A.M. The latest researches of the Derbent settlement of the first half – mid. of the 1st mill. AD [Novejschie issledovaniya Derbentskogo poseleniya pervoj pol. – ser. I tys. n.e.]. *Daghestan v kavkazskom istoriko-kul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 90-letiyu Instituta istorii, arheologii i etnografii DNC RAN. Mahachkala, 21-22 oktyabrya 2014 g. = Daghestan in the Caucasian historical and cultural space. Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90th anniversary of the Institute of history, archeology and ethnography of DSC RAS*. Makhachkala, October 21–22, 2014. Makhachkala, 2014: 94–95.

5. Gadzhiev M.S., Budaychiev A.L., Abdulaev A.M., Shaushev K.B. Excavations of the Derbent settlement in 2012–2015 [Raskopki Derbentskogo poselenija v 2012–2015 gg.] *Studying and preservation of archaeological heritage of the people of the Caucasus. XXIX Krupnovsky readings. Proceedings of the International scientific conference. Grozny, April 18–21, 2016. [Izuchenie i sohranenie arheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Groznyj, 18–21 aprelya 2016 g.]*. Grozny: Chechnya State University, 2016: 139–140.

6. Gadzhiev M.S., Abiev A.K., Budaychiev A.L., Abdulaev A.M., Shaushev K.B. Excavations of the Derbent settlement [Raskopki Derbentskogo poselenija]. *Archaeological discoveries of 2015. (Arheologicheskie otkrytiya 2004 g.)*. 2017: 259–260.

7. Malashev V.Y. Periodization of belt garniture of the late Sarmatian period [Periodizaciya remennyh garnitur pozdnosarmatskogo vremeni]. *Sarmatians and their neighbors on the Don (Sarmaty i ih sosedi na Donu)*. Rostov-on-Don: Terra, 2000: 194–232.
8. Krivosheev M.V., Malashev V.Y. 2016. Chronological indicators of the middle of the 3d-4th centuries AD from steppe sites of the Volga-Don region [Hronoindikatoriy serediny III – IV vv. n.e. iz stepnyh pamyatnikov Volgо-Donskogo regiona]. *Antique civilization and barbaric world of the Ponto-Caspian region: proceedings of the All-Russian scientific conference with the international participation devoted to the 70-year anniversary of B.A. Raev (Kagal'nik, October 20-21, 2016)*. Ed. by S.I. Lukyashko (*Antichnaya civilizaciya i varvarskij mir Ponto-Kaspijskogo regiona: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhennoj 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva (Kagal'nik, 20-21 oktyabrya 2016 g.)*). Otv. red. S.I. Luk'jashko). Rostov-on-Don: SSC RAN, 2016: 138–147.
9. Gavrituhin I.O. Chronological indicators of the finale of the Chernyakhov culture. I. Thick-walled cups with polished and plastic ornamentation: conic and with the allocated leg (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI) [Hronologicheskie indikatoriy finala chernyahovskoj kul'tury. I. Tolstostennyye kubki so shlifovannoj i plasticheskoy ornamentaciej: konicheskie i s vydelennoj nozhkoj (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI)]. *Hundred years of the Chernyakhov culture (Sto let chernyahovskoj kul'tury)*. Kiev: Institute of Archeology of NAS of Ukraine, 1999: 48–86.
10. Gavrituhin I.O. The final of traditions of the cultures of the Roman age in the East Pre-Carpathian region [Final tradicij kul'tur rimskogo vremeni v Vostochnom Prikarpat'e]. Die spätromische Keiserzeit und die frühe Völk-erwanderungszeit in Mittei- und Osteuropa. Kongress Łódź. 9.-11. November 1996. Maczynska M., Grabarczyk, T. W. [Hrsg.]. Łódź : Wydaw. Uniw., 2000: 261–320.
11. Gavrituhin I.O. Chapter 1. Dnieper forest-steppe left bank. 1.2. Final of the Chernyakhov culture [Glava 1. Dneprovskoe lesostepnoe levoberezh'e. 1.2. Final chernyahovskoj kul'tury]. Early Slavic world. Issue 9. Eastern Europe in the middle of the I millennium AD. (Ranneslavjanskij mir. Vyp. 9. Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.). Ed. by: I.O. Gavrituhin, A.M. Oblomsky. M.: IA RAN, 2007: 9-24.
12. Eremyan S.T. People's liberation war of Armenians against Persians [Narodno-osvoboditelnaya vojna armyan protiv persov]. *Journal of Ancient History*. 1951, 4: 41–60.
13. Trever K.V. *Studies on the history and culture of the Caucasian Albania. 4th century BC - the 7th century AD [Ocherki po istorii i kulture Kavkazskoj Albanii. IV v. do n.e. - VII v. n.e.]*. Moscow - Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1959: 392.
14. Yuzbashyan K.N. *Armenian epic of the 5th century: from the battle of Avarayr to the agreement in Nuarsak. [Armyanskaya epopeya V veka: Ot Avarajrskoj bitvy k soglasheniyu v Nuarsake]*. Moscow: "XXI vek – Soglasie" publishing house, 2001: 344.
15. Elishe. *The history of the Armenian war. Transl. from the Ancient Armenian language by academician I.A. Orbeli. New edition by K.N. Yuzbashyan. Armenian epic of the 5th century: from the battle of Avarayr to the agreement in Nuarsak. [Armyanskaya epopeya V veka: Ot Avarajrskoj bitvy k soglasheniyu v Nuarsake]*. Moscow: "XXI vek – Soglasie" publishing house, 2001: 192–330.
16. Ghazar P'arpec'i. *History of the Armenians*. Transl. from the Classical Armenian language by Robert Bedrosian. 1985. [updated 2018 Sept 09]. Available at: https://archive.org/stream/GhazarParbetsisHistoryOfTheArmenians/Ghazar_djvu.txt

Статья поступила в редакцию 06.09.2018 г.